

**MICHEL
FABER**

**LISTEN:
ON MUSIC,
SOUND
AND US**

Canongate

2023

**МИШЕЛЬ
ФЕЙБЕР**

ПРИСЛУШАЙСЯ:

**К МУЗЫКЕ,
К ЗВУКАМ,
К СЕБЕ**

Перевод с английского
Евгении Сапгир

Individuum
Москва, 2024

УДК 78+316.7
ББК 85.314/85.318+60.53
Ф36

Published by arrangement with Canongate Books Ltd, 14 High Street,
Edinburgh EH1 1TE and
The Van Lear Agency LLC

Фейбер, Мишель.
Ф36 Прислушайся: к музыке, к звукам, к себе / Мишель Фейбер ; [пер. с англ.
Е. Сапгир]. — М.: Individuum, Эксмо, 2024. — 512 с.

ISBN 978-5-907696-78-5

Книг о музыке — об исполнителях, коллективах, эпохах и жанрах — великое множество. Но мало кто задается вопросом: а что происходит внутри нас, когда мы слушаем музыку? Известный нидерландский писатель, автор романов «Багровый лепесток и белый», «Побудь в моей шкуре» и «Книга странных новых вещей» Мишель Фейбер в своем первом нон-фикшне обращается как к преданным меломанам, так и к тем, для кого музыка — лишь фон. Он с большой любовью и изрядной долей иронии осмысляет две ключевые темы: как мы слушаем музыку и почему? Глубоко личные и философские эссе складываются в большое посвящение музыке во всех ее формах и воплощениях.

УДК 78+316.7
ББК 85.314/85.318+60.53

ISBN 978-5-907696-78-5

Copyright © 2023 by Michel Faber
© Е. Сапгир, перевод с английского, 2024
© ООО «Издательство «Эксмо», 2024
Individuum®

ОГЛАВЛЕНИЕ

9	Для кого эта книга
21	Слышите ли вы то, что слышу я?
28	Кто не любит музыку?
46	Ушами младенца 1: хлоп-топ-стоп
61	Ушами младенца 2: какая-то гадость типа кошачьих какашек
77	«Сочувствую вашей утрте»
95	На звук и цвет товарища нет
144	Песнь сирены или вой сирен
165	Игла у вас в мозгу
190	Легкое искажение от эхо
200	Сила шума
210	Об отсутствии голоса
232	Нежная экзотика
239	То, что за гегемонию не выменяешь
259	Ambient 1: музыка для банковских клиентов
267	Молодчина, Людвиг!
295	История моей парки
309	Во власти истерии
321	Дурновкусие тех, кто хуже вас
335	«Спасибо, что делаете мое мнение модным»
350	Согласно кому?
370	«Что меня радует в людях»
401	Невозможно слушать
418	Давайте пошумим

431	«Ты знаешь, детка, это так»
442	Мертвецы отказываются от своих дуниканов
457	Дорожки моих слез
481	Пылесборник, который зря занимает место
499	Вы достигли начала
505	Благодарности
507	Авторские права на песни
511	Плейлист

Луизе

ДЛЯ КОГО ЭТА КНИГА

Это книга о музыке и о тех, кто ее слушает: ваших друзьях, соседях, обо мне и о вас.

Прочтя эту книгу, вы станете слушать иначе. Я написал ее не для того, чтобы вы изменили свое мнение о Дасти Спрингфилд, Шостаковиче, Тупаке Шакуре или синти-попе, а для того, чтобы вы изменили свое мнение о своем мнении.

o o o

О музыке опубликованы многие тысячи книг, и ассортимент изданий постоянно пополняется, несмотря на расхожую остроуту*, что «писать о музыке — все равно, что танцевать об архи-

* Это меткое высказывание принадлежит Мартину Маллу, певцу и автору песен из 1970-х, умудрившемуся остаться неизвестным, хотя он выступал на разогреве у таких знаменитостей, как Фрэнк Заппа, Брюс Спрингстин, Билли Джоэл, Рэнди Ньюман и Сэнди Денни. Позже он приобрел умеренную славу как актер телевидения, однако его главным вкладом в культуру остается упомянутый афоризм, который зачастую ошибочно приписывают, среди прочих, Заппе, Лори Андерс и Элвису Костелло. Представление о том, что природа музыки не поддается обсуждению, не было новым. Еще в феврале 1918 года журналист The New Republic, подписавшийся инициалами Н. К. М. (предположительно Хелен Маро), заявил, что «писать о музыке — то же самое, что петь об экономике». В следующем десятилетии мир увидел «Трехгрошовую оперу» Бертольда Брехта и Курта Вайля — в сущности, вокальный цикл на тему экономики. — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. автора.*

текстуре». Но если это настолько бессмысленное и абсурдное занятие, откуда взялось такое множество книг? Дело в том, что в нашей животной природе заложен неумный интерес к себе самим и нам подобным, и в мире нет ничего более эгоцентричного и коллективистского, чем музыка.

Погодите-ка... но разве эгоцентризм и коллективизм — не противоположные понятия? Никак нет. Наш коллектив, то есть наше племя — всего лишь многократное отражение того, кем мы себя считаем. Мы привязываемся к музыке, которая напоминает нас самих, и тянемся к единомышленникам, которые оказались в том же ареале обитания. Наша идеальная среда — гармоничное сообщество таких же, как мы, людей, точно знающих, что мы имеем в виду, когда цитируем слова песни или называем определенный опус по BWV; это наши родные рокеры, металлисты, рейверы, битломаны, дэдхеды, белиберы и так далее, наши самые настоящие родственные души.

Искусство — вовсе не «зеркало природы». Это зеркало нас самих.

Авторы большинства книг о музыке в той или иной степени притворяются, что музыка существует независимо от людей и ей присущи какие-то внутренние качества, никак не связанные с эмоциями и культурными кодами слушателей. Увлеченные идеалисты говорят о любимых хитах — от «Гольдберг-вариаций» Баха до *Pet Sounds* коллектива The Beach Boys, *What's Going On* Марвина Гэя или альбома *Untrue* некоего Burial — так, словно музыка — это какое-то удивительное природное явление или историческая достопримечательность вроде Большого каньона или египетских пирамид, на которые паломники могут лишь взирать с благоговейным трепетом.

Мне нравится эта мысль. Она симпатичная. Могу понять, почему люди продолжают повторять ее.

Но обыденная правда в том, что в современном мегакапиталистическом обществе музыка — это продукт, который мы потребляем, причем постоянно, в промышленных количествах. Музыка сопровождает наше общение, занятия спортом, отдых, мы используем ее, чтобы отгородиться от шума в транспорте, совершаем под нее покупки, развлекаем с ее помощью посетителей, рекламируем с ней чипсы и ипотечные программы, вытаскиваем себя из кровати по утрам и убаюкиваем по вечерам, настраиваемся на спорт или секс, добавляем ее в фильмы, оттеняя повороты сюжета или звуки взрыва, она спасает нас от неловкого молчания. Утомленные потребители в поисках утраченного покоя древних включают треки с названиями вроде «Моменты тишины» или «Вечерний покой» — приятные звуки, которые заполняют неуютную пустоту.

Музыка — это товар. Мы часто получаем ее бесплатно, в придачу к другим товарам и услугам, составляющим нашу повседневную рутину. Кроме того, мы покупаем ее в больших количествах, запасаемся ею впрок. Музыковеды и сами исполнители обещают нам, что если мы уделим музыке внимание, которого она заслуживает, перед нами откроются неизведанные глубины, но наше внимание так рассредоточено, что глубины откладываются до лучших времен.

В конце дня, послужив множеству самых разных целей, музыка развеивается в воздухе, и когда вибрации затихают, обращается в ничто.

Если ее вообще включали. Большая часть записанной музыки в человеческой цивилизации хранится неприслушанной в цифровом виде на наших телефонах, на дисках, которыми набиты пыльные стеллажи, шкафы и коробки в кладовках и гаражах. Каждый год мы выбрасываем миллионы компакт-

дисков, и почти все они в итоге оказываются на мусорной свалке*.

Однако мы продолжаем утверждать, что любим музыку. В пылу момента, когда на нас накатывает острая потребность, мы и правда чувствуем любовь.

Эта книга не сделает для вас то, что сделает любая другая книга о музыке. Она не поможет вам упрочить связь с уже любимыми музыкальными исполнителями, не подарит чувство сопричастности к клубу избранных. Она не станет подтверждением вашего ума и хорошего вкуса, о которых свидетельствует любовь к Принсу, Моцарту, Perfume Genius или Cabaret Voltaire (точнее, к коллективу музыкантов, существовавшему до 1981 года, когда от них ушел Крис Уотсон; позже они перешли к Virgin). Если решите отправиться со мной в это путешествие, вы узнаете много нового, но это будет не та информация, которую обычно узнают из книг о музыке.

Зато вы начнете понимать, почему вам нравится то, что нравится, и почему что-то другое вы, напротив, терпеть не можете.

о о о

У меня дома есть комната, полностью отданная музыке: тысячи компакт-дисков, виниловых пластинок и синглов, тысячи самостоятельно записанных сборников на кассетах и дисках, компьютер, до отказа забитый mp3. И тем не менее из текста на этих страницах вы мало что узнаете о моей коллекции. Я ничего не расскажу о моих самых любимых альбомах всех времен.

* «Идеальный звук навсегда» — гласил рекламный слоган компакт-диска как носителя информации в 1980-х, когда его только изобрели. С точки зрения слушания, «навсегда» оказалось удручающим преувеличением, поскольку многие компакт-диски покупают лишь ради одной-двух песен, которые послушают пару раз — если повезет, то пару десятков раз — в определенный период жизни, после чего диск отправят на свалку. А вот с точки зрения экологии «навсегда» — вполне адекватное слово, так как компакт-диски могут разлагаться до миллиона лет.

Мне не нужно вам об этом рассказывать, а вам не нужно об этом знать.

Многие книги о музыке напоминают сверкающую витрину, где выставлено все, чем владеет автор и чем, как ему (обычно это именно *он*) кажется, должны владеть вы*. Цель этой книги заключается не в том, чтобы внушить желание обладать новыми вещами, а в том, чтобы научить иначе воспринимать то, что у вас уже есть.

о о о

Авторы книг о музыке нередко чувствуют себя этакими евангелистами: они задаются целью укрепить вас в вере или обратиться к ней. Они стремятся внушить, что «всякий серьезный любитель музыки», обладающий «хорошим вкусом», обязан восхищаться тем или иным исполнителем, а неспособность оценить важного музыкального деятеля — постыдное недоразумение. Вероятно, вы пока не сумели «распробовать» Чарли Паркера (или Суфьяна Стивенса, или Шёнберга), но однажды на вас непременно снизойдет озарение.

Причем подобное миссионерство не только делает вас более чувствительными к тем вещам, которые вам могут понравиться, но и явно или неявно уводит прочь от «плохих» песен, созданных иноплеменниками, написанных на чуждых языках, сыгранных не в том стиле и не в нужный момент истории, прославляющих «неправильные» ценности.

В этой книге мы рассмотрим механизмы этого психологического давления.

* Или по крайней мере хотеть владеть. Многие авторы книг о музыке с удовольствием хвастаются редкими альбомами, которые у них есть и которых вам не видать, как собственных ушей. Поэтому вы не только мечтаете купить множество записей, еще присутствующих в продаже, но и убиваетесь по тем пластинкам, которые когда-то могли купить, но не купили и теперь уже не купите.

Если смотреть шире, мы попробуем изучить, что на самом деле происходит, когда мы слышим музыку и, что не менее важно, когда ее слушаем. А происходит много чего, и это совершенно не связано с тем, способен ли Ван Моррисон еще петь и действительно ли творчество Бетховена олицетворяет пангерманскую ностальгию по исчезнувшему средневековому христианству, как утверждал Карл Шмитт.

Скорее это связано с биологией — со свойствами мозга, болтающегося у вас в черепушке, напоминающего с виду цветную капусту, но мягкого и скользкого, как мармелад, весьма восприимчивого ко всевозможным стимулам.

А еще это связано с биографией — с тем, где вы выросли, как вас подавляли, как разрешали или запрещали выражать свое мнение, с кем вы общались, а кого избегали, какое переняли отношение к гендеру, цвету кожи, национальности и социальному классу. С тем, какое место определила для вас жизнь. Вы — культурный артефакт, выносящий суждение о других культурных артефактах.

Наша реакция на музыку кажется нам совершенно инстинктивной, фундаментальной и непосредственной, так что мы убеждаем себя, что это *и есть* инстинкт. Трепет, который охватывает нас мгновенно, стоит услышать первые ноты песни Билли Холидей или Умм Кульсум, или гитарный риф, которым открывается песня Led Zeppelin *Whole Lotta Love*, или грандиозные начальные фанфары из симфонической поэмы Рихарда Штрауса «Так говорил Заратустра», не оставляет времени на размышления о том, что мы одобряем, а что нет: музыка будоражит нам кровь, заставляет кожу покрыться мурашками и безошибочно угадывается как *правильная*. Не сошли ли эти звуки к нам прямо из платонического рая?

Нет, конечно.

Знание, что барочную музыку следует исполнять без вибрато, что The Clash значительнее, чем Siouxsie and the Banshees, что Клифф Ричард — фигня, а диско — отстой, и что в свой удачный вечер Rolling Stones до сих пор дадут сто очков вперед любой рок-группе в мире, без вопросов, или, к примеру, что титул лучшей рок-группы давным-давно перешел к U2, или что U2 и рядом не стояли с настоящим роком и только идиот может думать иначе, или что Элис Колтрейн погубила музыку Джона Колтрейна (простите за прямоту, но уж как есть), или что недоброжелатели Элис Колтрейн — патриархальные женоненавистники, или что все эти сверхпопулярные юные дивы, которые расплодились в наши дни, ни за что не сравнятся с королевой соула Аретой Франклин, и что никогда больше не случится десятилетия, оставившего в музыке такой след, как великолепные 1960-е (или 1970-е, или 1980-е, или 1990-е, или нулевые...) — все это знание не врожденное.

Что вы знали о музыке, едва появившись на свет? Единственные звуки, которые вам инстинктивно нравились, производила ваша мама.

o o o

Вернемся к названию главы: для кого это книга? Она для вас. Для человека, который держит ее в руках, потому что купил в магазине или получил в подарок. Итак, кто же вы?

Скорее всего, вам от двадцати пяти до шестидесяти пяти. (Вы можете быть моложе или старше, но по статистике все, кто моложе двадцати пяти, скорее послушают последние чарты у себя в телефоне, чем возьмутся за книгу, а пожилым людям не нужна книга, в которой говорится, что им нравятся старые песни давно ушедших лет.)

Вы искушенный читатель — по крайней мере, достаточно искушенный, чтобы одолеть небольшую книгу, которая не будет мусолить то, что вам и без того известно. Другими словами,

вы принадлежите к элитному меньшинству. Для большинства людей чтение — довольно утомительное занятие, отсюда популярность всякого легкого чтива вроде Daily Mail, What's on TV и Take a Break. До четверти населения Великобритании обладает «весьма невысокой грамотностью»*. Процент людей, которые справятся с незатейливыми триллером или биографией знаменитости, но не осилят книгу, подобную моей, будет и того выше. Так что, если вы читаете эти строки, вы уже исключение.

Но не позволяйте этому ударить вам в голову. Быть исключением — тот еще подарок, это лишь означает отклонение от общего стандарта. Интеллектуалы (книжные черви, светлые умы, носители культуры, зовите как хотите) — такое же меньшинство, как любое другое. Они цепляются за свою исключительность, но поступают при этом чувством единения с толпой. Утешают друг друга, уверяя, что они не отщепенцы и не фрики, хотя с точки зрения статистики все именно так.

К счастью, у среднестатистического обывателя, не интеллектуала, есть вещи поважнее, чем размышлять о природе искусства. Мы с вами выживаем — и даже сохраняем приемлемый уровень комфорта, чистоты и обеспеченности всем необходимым — благодаря людям, которые, с высокой вероятностью, никогда не удосужатся прочесть книгу вроде этой. Вам доступна роскошь размышлять об изысканных мелодиях, формулировать и уточнять свое мнение о «Реквиеме» Моцарта и альбоме Джони Митчелл *Mingus*, пока мусорщики убирают ваши отходы, фермеры выращивают вам еду, водители грузовиков доставляют ваши лекарства в аптеки, а работающие за гроши сотруд-

* Adult literacy statistics // National Literary Trust, 2017. Согласно статистике за 2012 год, уровень грамотности в Соединенном Королевстве варьируется, и почетное последнее место занимает Шотландия с 26 %. Статистика по США не особенно отличается: 54 % взрослых американцев обходятся навыками чтения на уровне (или даже ниже) шестого класса, то есть владеют грамотой, как одиннадцатилетний ребенок.

ники магазинов раскладывают по полкам вашу одежду, произведенную трудолюбивыми бангладешцами. Вы открываете кран, и оттуда течет вода.

Для вас есть более важные материи, чем переливы кларнета или риф бас-гитары из 1969 года, пусть вы и не готовы это признать. Вы упрямо держитесь за идею, что музыка больше и выше всего на свете.

Ничего страшного. Я тоже из таких.

o o o

Впрочем, это не означает, что мы с вами одного поля ягоды. Вы носите с собой определенные предубеждения о том, какая музыка хорошая, а какая плохая. Эта книга может пошатнуть их, поэтому вы должны быть из тех людей, кто готов к вызовам, кто не уйдет в глухую оборону и агрессию. Вы можете считать себя как раз таким человеком, но это мы еще увидим. Наше совместное путешествие только начинается.

Вы можете принадлежать к культуре, для которой английский язык неродной и которая обладает «экзотическими» традициями. В таком случае вас может удивить следующее: автор этой книги не ожидает, что каждый ее читатель по умолчанию англоговорящий и имеет англоцентрическую картину мира. Если у вас от этого слегка закружилась голова, присядьте.

Есть вероятность, что цвет вашей кожи не белый, но если это действительно так, это редкое исключение из демографической статистики. Большинство серьезных книг о музыке предназначены для бледнолицей аудитории. Может быть, их авторы не придерживались такой установки осознанно, но на деле получается именно так. Даже книги о музыкальных жанрах, в которых преобладают темнокожие авторы и исполнители — блюз, фанк, соул и так далее, — читают в основном белые, и до недавнего времени писали их тоже главным образом белые. И сегодня можно собрать целую полку книг с названиями наподобие

«Гарлем на Монмартре. История парижского джаза между мировыми войнами (музыка африканской диаспоры)», «Теория африканской музыки. Том 2. Истоки блюза. Зарождение блюза в афроамериканском водевиле» или «Ньюаркский авангард: Амири Барака, черная музыка, черная современность (Интеллектуальная история Афроамерики)»* — и ни один из авторов не будет чернокожим. В чем причина? Быть может, дело в том, что на протяжении многих сотен лет музыковедение занималось классическими произведениями, а те носят высокомерный и самодовольный расистский характер. Я не знаю, что с этим делать, кроме как сказать: привет, заходи на огонек, давай вместе пораскинем мозгами.

Я надеюсь, что вы, мой читатель, с равной вероятностью можете быть как мужчиной, так и женщиной. По крайней мере, аудитория моих романов в гендерном отношении распределяется почти равномерно. Книги о музыке чаще привлекают читателей мужского пола, но, как я полагаю, причина в том, что поклонение музыке представляет собой скорее мужское занятие, и женщины реже приходят в восторг от полной дискографии Фила Спектора или описания сексуальных подвигов гитариста-женоненавистника. Другими словами, женщины и их отношения с музыкой обычно не встречают понимания и одобрения среди музыкальных критиков мужского пола. Если вам доводилось сталкиваться с их презрением, я надеюсь, что атмосфера этой книги покажется вам более теплой и располагающей.

Вероятно, вы достигли того жизненного этапа, когда вам все еще хочется размышлять и говорить о музыке, но вас уже не устраивает то, как ее осмысляют и обсуждают. Если

* См.: Harlem in Montmartre: A Paris Jazz Story Between the Great Wars (Music of the African Diaspora); Theory of African Music, Volume II; The Original Blues: The Emergence of the Blues in African American Vaudeville; Brick City Vanguard: Amiri Baraka, Black Music, Black Modernity (African American Intellectual History).

так, не исключено, что эта книга окажется как раз тем, чего вы ждали.

Впрочем, это не означает, что она вам понравится. Большинство из нас живут в собственном тоннеле восприятия, мы надежно укоренены в верованиях своих племен и защищены от влияния извне. Мы жаждем альтернатив нашим старым привычкам и ограничениям, но эти альтернативы требуют от нас изменений, на которые мы не готовы пойти. Возможно, спустя несколько минут или часов вы поймете, что вам вовсе не хочется идти за мной туда, куда я вас веду. Если так, прошу прощения.

о о о

Последняя причина, по которой вы можете держать в руках эту книгу — вас вовсе не интересует музыка, но вам понравились мои романы «Багровый лепесток и белый», «Побудь в моей шкуре» или «Книга странных новых вещей», и поскольку я больше ничего не написал из художественной прозы, вы решили дать шанс нон-фикшну.

Если так, вы можете обнаружить, что настроение, которым пронизана моя художественная проза, — отщепенец, смотрящий на своих, чужой, но не отчужденный, несентиментальный, но сострадательный — чувствуется и в этой книге.

о о о

И напоследок я должен признаться, что эта книга для меня. Я давно люблю музыку. «Прислушайся» — та книга, которую я хотел написать всю жизнь.

